

Studia Culturae: Вып. 3 (29): Symposium: В.Э. Туренко. С. 93-103

В.Э. ТУРЕНКО

*кандидат философских наук,
м.н.с. философского факультета
КНУ имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)*

ФИЛОСОФСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ГРУСТИ, ОТЧАЯНИЯ И СЛЕЗ В ДИСКУРСЕ ЛЮБВИ

В статье комплексно и систематически освещается философский взгляд на природу и смысл разного рода «любовных несчастий» (концепт Р. Барта) – грусти, отчаяния, слез. Доказывается, что, с точки зрения философии, разного рода аспекты любовного несчастья рассматриваются не столько как слабости предмета/субъекта любви, сколько как маркер истинности и подлинности чувств, отношений между любящими. Согласно философскому дискурсу любовное отчаяние амбивалентно – оно может нести в себе как конструктив в дискурс любящих, так и девиантность. Слезы, согласно философскому дискурсу, есть не только признаком уязвимости, ранимости предмета и/или субъекта любовного дискурса, но есть их силой, глубиной и основой для продолжения их истории чувств.

Ключевые слова: грусть, отчаяние, слезы, печаль, философия любви, любовный дискурс.

V. E. TURENKO

*PhD, junior research of Philosophical Faculty
Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine)*

PHILOSOPHICAL EXPLICATION OF SADNESS, DESPAIR AND TEARS IN THE DISCOURSE OF LOVE

The paper comprehensively and systematically highlights a philosophical view of the nature and meaning of various kinds of «love unhappiness» (R. Barthes concept) – for example sadness, despair, tears. It is proved that, from the point of view of philosophy, various aspects of love unhappiness are seen not so much as a weakness of the object / subject of love, but as a token of truth and authenticity of feelings, relationships between lovers. According to the philosophical discourse ambivalentness of love-despair - it can carry a constructive and deviance in the discourse in love. Tears, according to philosophical discourse is not only a sign of vulnerability of the subject and/or the subject of love discourse, but that they have the power, depth, and the basis for the continuation of the history of feelings.

Keywords: sadness, despair, tears, grief, philosophy of love, discourse of love

*«Любовная речь является языком,
и этот язык, как и естественный,
имеет свои обязательные рубрики.
Одной из этих рубрик является отчаяние»*
Р. Барт

Актуальность выбранной нами темы исследования обусловлена тем, что в эпоху постмодерна вокруг фундаментальных экзистенциалов человеческого бытия накопилось множество «предрассудков» и «суеверий». Такая ситуация связана и с идеей любви. Зачастую, есть два распространенных взгляда касательно исследуемой нами темы. С одной стороны, некоторые считают, что любовь на любовь необходимо смотреть словно через «розовые очки», и ее путь лежит только «по красной дорожке», а с другой стороны, есть мнение, что грусть, слезы, отчаяние и подобного рода феномены есть как те, что унижают любовь и заставляют презрительно и скептически относиться к ней. Стоит подчеркнуть, что философский дискурс о любви не придерживается ни одного из вышеуказанных мнений.

Научные работы зарубежных и отечественных мыслителей Б. Братуся, Р. Джонсона, Г. Иванченко, Х. Фишер и других стали основой нашего исследования. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что у них отсутствует целостный и комплексный анализ всякого рода «любовных несчастий» (концепт Р. Барта).

Следовательно, **целью** данного исследования есть – с философской точки зрения, совершить систематическое и комплексное исследование грусти, отчаяния и слез в любовном дискурсе.

Поставленная цель предполагает решения следующих **задач**:

- 1) Расскрыть сущность концепта «любовного несчастья»;
- 2) Рассмотреть специфику и особенности слез в любовном дискурсе;
- 3) Проанализировать амбивалентность любовного отчаяния.

Единство и многообразие «любовного несчастья»

Еще в эпоху античности, Стагирит пишет в «Никомаховой этике», что влюбленность – это страдание, испытание, преодолеть которое кто не сможет, может преждевременно умереть [См.: Eth.Nic. 1116a12-15]. Любовь является испытанием, поскольку освобождает человека из «оков» повседневности и рутины; она требует от человека полной отдачи. Все кроме любви – для человека становится как минимум второстепенным и таким, что не заслуживает особого внимания. То, что любовь является испытанием, свидетельствует соответственно – ей и те, кто в ее власти свойственно величайшее терпение.

«Беды и несчастья, подчеркивает известная западная исследовательница любви Х. Фишер – вот топливо, на котором разгорается страстное

чувство (любовь – В.Т.). Я называю этот интересный феномен «притягательностью неудовлетворенности», однако он больше известен как «эффект Ромео и Джульетты». Социальные и физические барьеры лишь распаляют страсть. Они заставляют человека с новой силой отрицать реальность, думая лишь о восхитительных качествах любимого. Стимулами для любви могут послужить даже размолвки или временный разрыв с возлюбленным» [11, С.41].

Заглядывая в глубины любовного дискурса и его разного рода аспектам, в т.ч. и касательно грусти, уныния, тоски и печали, Р. Джонсон в этой связи отмечает, что «Подобно Тристану (Ромео и Джульетте – В.Т), мы – дети печали. Жители Запада – дети своей внутренней нищеты, несмотря на то, что во внешнем мире они имеют почти все, что хотят. Возможно, ни один народ в истории не страдал так, как мы, от одиночества и разобщенности, не имел столь смутного представления о ценностях и не был так невротичен. Мы подавили и подчинили себе окружающий мир силой кувалды и точностью электроники. Мы накопили беспрецедентное количество ценностей. Но только немногие из нас, только единицы действительно живут в мире с самими собой, свободны в своих отношениях, содержательны в любви и чувствуют себя в этом мире, как дома. Большинство из нас страдает в поисках смысла жизни, ценностей, из-за которых стоит жить, любви и искренних человеческих отношений» [6, С.47–48].

Итак, что же из себя представляет концепт «любовное несчастье»? В книге «Фрагменты речи влюбленного» Р. Барт касательно данного концепта пишет следующее: «Любовное несчастье множественно («Страдания юного Вертера»). В него могут входить скука, усталость, раздраженность, неясность, отчаяние, тоска, подавленность, меланхолия, томление, «резкая и злая боль», грусть, одержимость, чувство вины, отвращение, страх» [2]. Причем, на наш взгляд, вышеуказанное понятие Р. Барта уместно применять как в единичных случаях, так и комплексно, охватывая все. Если любовное несчастье настолько многогранно, то любящие, сама любовь не может не быть долготерпеливой.

С точки зрения философии, поскольку в тот или иной момент дискурса любви может возникнуть определенное проявление «любовного несчастья», то онтологически у любви большая и широкая душа. Она может ждать. Она не закрыта в себе, открыта для Другого. И эта великая душа, великодушие, касается не только отношений с Другим. Любящий так мыслит: «Если у меня большая душа, то я чувствую себя иначе. Я свободен, открыт. Жизнь течет во мне. Я не задерживаю своего взгляда на негативном, что замечаю в себе или в другом. Великодушие является противоположностью мелочности, ограниченности, упорства» [5, С.106].

Преодолевать те или иные проявления любовного несчастья помогает любовное терпение. По мнению Р. Барта, исходным пунктом любовного

терпения «служит самоотречение: в основе его не ожидание, не самообладание, не хитрость и не мужество; эта беда тем неизбывнее, чем острее; это череда резких порывов, повторение (комическое?) жеста, которым я себе же сообщаю, что – мужественно! – Решил положить конец повторению; терпение нетерпения» [1, С.199].

Сострадание тому, кого любишь – неперенное. Если его нет – то нет и любви. Тот, кто любит – чувствует страшную боль за любимую личность, независимо от того, с ней все хорошо, или же она потерпела какую-либо беду или неприятность. Ощущение сострадания в сердце, душе и сознании за предмет любви является словно маркером для любви как таковой. Только и исключительно в любви в полной мере и глубоко раскрывается вся сущность человеческой боли и страданий за Другого. Уместно будет вспомнить роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание» и всем известные слова Родиона Раскольникова, адресованные Соне Мармеладовой: «Я не тебе, поклонился, а всему человеческому страданию». Любовь среди всех экзистенциалов и феноменов человеческого существования максимально открыто (при этом, не пугая) дает понять каждой личности смысл страдания в мире вообще, и в жизни, в частности.

В связи с этим уместно будет вспомнить слова известной философии Лу Саломе: «в любви, как и в творчестве, лучше сразу отказаться, чем существовать как тень. Лучше верить, что периодичность высшего счастья в любви настолько же естественная, как и в творчестве... Это происходит из-за того, что жизнь и любовь не совпадают и дают время от времени друг другу печальные уступки, чтобы вообще продолжить существовать: любви дается несколько счастливых мгновений, но она неохотно соглашается снять после бала свои праздничные одежды и в самом скромном и повседневном платье сидеть вновь в углу» [9, С.42].

Необходимо отдельно сказать, что крайним проявлением «любовного несчастья», по мнению Р. Барта, является любовное самоубийство. Поразительность данного факта состоит в том, что «Сила любви, дающая жизнь и поддерживающая ее, поразительно проявляется в феноменах самоубийства. Мы знаем теперь, подчеркивает П. Сорокин, что главной причиной так называемого «эгоистичного» или «аномического» самоубийства выступает психосоциальная изоляция индивида, его состояние одиночества, отсутствие любви и заботы. Всякий раз, когда резко прерываются интимные привязанности индивида к другим субъектам, когда он становится человеческим атомом в универсуме, лишенным привязанности и преданности, шансы совершения им самоубийства возрастают. Когда любовь и привязанность индивида к окружающим его людям умножается и усиливается, шансы самоубийства уменьшаются. По этой причине разведенные, вдовцы и одиночки имеют более высокий коэффициент самоубийств, чем женатые, а среди состоящих

в супружестве бездетные браки дают более высокий коэффициент, чем браки с детьми» [10, С.128].

Отсюда, всякого рода проявления любовного несчастья, по мнению Р. Барта, сравнимы с тучами: «Таково дурное настроение: топорный знак, стыдливый шантаж. Имеются, однако, и более эфемерные тучки; все неуловимые тени мимолетных, смутных причин, которые проходят по взаимоотношениям, изменяя освещение, рельеф; внезапно это уже другой пейзаж, легкое мрачное опьянение» [2].

Думаем, что не случайно именно такой образ взял французский мыслитель. Как мы знаем, тучи связаны с водой и испарением. Российская исследовательница феномена любви Г. Иванченко говорит, что с концом любви также связан образ воды, а точнее такие его состояния как лед и пар [7, С.51]. «Охлажденность любви» (См. Мф. 24, 12), о которой говорит Христос в Евангелии как раз свидетельствует о ледяном состоянии любви. Отчего происходит, что «река любви», по которой плывут любящие становится ледяной?... Любящие останавливаются и не могут шелохнуться, потому, что обоих стискивают взаимные обвинения, оскорбления, непонимания, обманы, все те «беззакония», от которых и охладевают наши некогда горячие чувства к любимой личности. Пар, тучи (большие/маленькие) — как (предвестники) состояние конца любви символизирует, что отношения, которые были между любящими превратились в ничто. Они остались просто памятью в сердце и душе, «паром», который вроде бы видно, но уже никакого плода фактически не приносит. Пар, тучи — как образ конечности дискурса любви, пожалуй, наиболее удачный скорее для понимания ситуации «после дискурса любви». Да, было, да, чувствовали, но ничего от этого не осталось.

Необходимость и неизбежность горести и печали объясняется, тем, что они словно письма между любящими в истории любви: «И назовите мне, — говорит Вертер, — человека дурно настроенного, но достаточно мужественного, чтобы скрывать свое настроение, одному страдать от него, не омрачая жизни окружающим!» Такого человека, очевидно, не найти, ибо дурное расположение духа — не что иное как некое послание. По различным причинам не имея возможности открыто ревновать, в частности — дабы не казаться смешным, я подвергаю свою ревность смещению, оставляя на виду только ее побочный, смягченный и как бы незавершенный эффект, истинный мотив которого в открытую не высказывается; неспособный скрыть уязвленность и не осмеливаясь объявить о ее причине, я иду на сделку; я не даю развиваться содержанию, не отказываясь от формы; результатом этих торгов оказывается ворчливость, каковая прочитывается как индекс некоего знака: здесь вы должны прочесть (что что-то не так); свой пафос я просто выкладываю на стол, оставляя за собой возможность распаковать его по обстоятельствам — либо раскроюсь (во время какого-нибудь

«объяснения»), либо стану и дальше рисоваться. (Ворчливость – короткое замыкание между состоянием и знаком.)» [1, С.387–388].

Скука, грусть, уныние, печаль и т.п. аспекты любовных переживаний являются имплицитно невербальными письмами, но в сущности они ни в коей мере не отличаются от вербальных, эпистолярных.

Письмо (будь-то эпистолярное, либо же в виде печали/грусти) – это то, что соединяет любящего и любимого, то, что иногда даже может быть гарантией отношений любящих, взаимных чувств и т.п. Бывает так, что только письмо является как образ предмета любви; молчаливый свидетель истории любви двух любящих. В связи с этим, немецкий феноменолог Н. Гартман очень верно замечает в работе «Метафизика любви»: «Редко писать любимому человеку при длительной разлуке с ней – это значит погрешить против *ordo amoris* и проявить бессердечие. Если же я редко пишу другу, то это может быть в порядке вещей» [4, С.395]. Подобных примеров, подчеркивает мыслитель, можно привести множество.

Письмо может даже иногда определить ход развития определенной истории любви. Все зависит от ответов, которые получит предмет/субъект любви от адресата. Для дружеских отношений, по мнению немецкого мыслителя, не так важны письма. Дружба может спокойно существовать без них (я не беру сейчас во внимание людей в списках друзей в социальных сетях).

Р. Барт говорит, что любовное письмо (в т.ч. и в виде грусти, горести) по природе своей амбивалентно: оно условно и выразительно [1, С.261]. Условно оно, для влюбленного - он заранее знает, что «пишет» (о чем тоскует, грустит) в нем, что стремится вложить в своем состоянии. Письмо «условное» в том смысле, что влюбленный ничем не отличается от миллиардов, влюбленных в истории человечества, которые таким же образом «писали» любимым письма. Он как бы осознает, что он отчаивается, унывает фактически также как и другие люди десять, двести, тысячу лет назад, но только меняется образ Ты, образ любимого человека. Вместе с тем любовное письмо (невербальное/эпистолярное) никак не может быть «пустым» для адресата, для кого оно предназначено, оно для него всегда «выразительное». Предмет любви всегда ждет письма, он томится, порой даже мучается, он ожидает, несмотря на то, что возможно в нем, образно говоря, написано «все», «конец».

Особую, фундаментальную роль и наиболее выразительными словами, письмами в любовном нарative выступают слезы.

Смысл и значение слез в дискурсе любви

«Быть может, пишет Р. Барт, подобная предрасположенность – давать волю слезам – свойственна самому типу влюбленного? Находясь в подчинении у Воображаемого, он пренебрегает той цензурой, которая сегодня не

позволяет взрослым доходить до слез и посредством которой человек стремится подтверждать свою мужественность (удовлетворение и материнская растроганность Пиаф: «Но вы плачете, Милорд!»). Без помех давая волю слезам, он следует приказам влюбленного тела, то есть тела, омываемого излиянием чувств: вместе плакать – вместе излиться; сладостными слезами завершается чтение Клопштока, которому сообща предаются Шарлотта и Вертер. Откуда у влюбленного право плакать, как не из инверсии ценностей, первой мишенью которой оказывается тело? Он соглашается вновь обрести детское тело» [1, С.265–266].

Французский мыслитель подчеркивает, что ни одна история любви не обходилась без слез. Если не было слез – значит, не любил, если не грустил, не горевал – значит, чувства были эфемерные и явно ненастоящие. Слезы в любви выступают не столько слабостью того или иного участника данного дискурса, сколько маркером истинности чувств любящего, искренности его отношения к предмету любви. Слезы в любви зачастую являются силой, глубиной отношений между любящими.

Можем подчеркнуть, что слезами любящие противостоят обществу: «так и в слезах влюбленного наше общество подавляет свое собственное несвоевременное, тем самым превращая плачущего влюбленного в утерянный объект, чье вытеснение необходимо для его, общества, «здоровья» [1, С.267]. Общество, цивилизация слезам не верит (недаром ведь один из фильмов, который получил «Оскар» называется «Москва слезам не верит»). Любящие не просто верят слезам, благодаря им развивается та или иная история любовного дискурса.

Поэтому, на наш взгляд, очень верно, звучит замечание Р. Барта: «может быть, «плакать» – слишком грубое понятие; может быть, не следует сводить все рыдания к одному и тому же значению; может быть, в одном и том же влюбленном имеется несколько субъектов, которые вовлекаются в плач похожими, но отличными друг от друга способами. Что же это за «я» – «со слезами на глазах»? Что это за другой, который однажды оказался «на грани слез»? Кто такой я – «я», который «изливает в слезах всю свою душу» или проливает при своем пробуждении «поток слез»? Если у меня столько манер плакать, то, возможно, потому, что, когда я плачу, я всегда к кому-то обращаюсь, и адресат моих слез не всегда один и тот же; я подстраиваю способы своего плача под тот тип шантажа, который своими слезами надеюсь осуществлять вокруг себя» [1, С.267].

Следовательно, у любящих не просто проступают слезы в тот или иной момент. Они совсем разные в своем психо-душевном состоянии всякий раз, когда вновь и вновь они начинают плакать. Необходимо сказать о своеобразной классификации слез, которая возникает у того или иного участника любовного дискурса. Пожалуй, слезы могут иметь разную глу-

бину, длительность, силу, интенцию по отношению к тому, к кому они адресованы и от кого исходят.

Поэтому резюмировать мысли о роли и значении плача в любовном дискурсе, можно следующими словами: Плача, я хочу кого-то впечатлить, оказать на него давление («Смотри, что ты со мною делаешь»). Может быть так, – и обычно так и есть, – что этим способом принуждается открыто принять на себя сострадание или бесчувственность другой; но могу это быть и я сам: я довожу себя до слез, чтобы доказать себе, что боль моя не иллюзорна; слезы – это знаки, а не выражения, Своими слезами я рассказываю историю, порождая миф о горе и тем самым с ним примиряюсь; я могу с ним жить, поскольку, плача, доставляю себе эмфатического собеседника, который воспринимает наиболее «истинное» послание – послание моего тела, а не языка: «Что такое слова? Куда больше скажет слеза» [1, С.268].

Амбивалентность любовного отчаяния

По мнению Р. Барта, любовное отчаяние – амбивалентно. С одной стороны, оно обезоруживает любящего, уязвляет его, и тем самым проявляя неистовую душевную боль, а, с другой стороны, отчаяние проявляется как момент истины. Рассмотрим это детальнее.

Р. Барт в книге «Фрагменты речи влюбленного» подчеркивает, что «Логос любви» – это особого рода язык, а если это язык, то как и предполагается у него должны быть определенные принципы (по)строения. Среди разнообразия любовного языка неминуемо сталкиваешься с таким феноменом как отчаяние: «влюбленный не может «выговаривать» любовь (а какую, кроме говоримой, она может быть?) без того, чтобы не пройти через непременно отчаяние. Любовное отчаяние до такой степени является формой речи, что ему нет особого дела до причины: любая случайность годится, чтобы возбудить отчаяние, так что оно даже становится нормативным определением любви, подобно тому как носовые звуки выделяют французский среди большинства других языков: [а] «В своем отчаянии я люблю вас так, как должно любить» [2].

Как видим, отчаяние в «риторике любви», в отличие от повседневного дискурса, вполне может быть беспричинным. Для того, чтобы отчаяние появилось не нужно никакого плохого известия о предмете любви или факта ревности, измены и т.п. – сама любовь неминуемо выдвигает и вплетает данный аспект его существования в дискурс любящих.

Вместе с тем, помимо того, что отчаяние порой выступает как другое название любовного дискурса, оно может выражаться и как момент проявления истины. Как же это происходит?

Для того, чтобы ощутить ту или иную истину необходим процесс познания. Исходя из того, что отчаяние как один из моментов любви, то оно

также помогает ей быть способом познания, понимания и усмотрения, хотя он качественно отличается от способа познания с помощью разума. Порой, через такие фрагменты дискурса любви как отчаяние открывается предмету/субъекту любви сущее в его тайном бытии, причем так, что, благодаря ему любящий и любимый могут участвовать друг в друге, «расширяя» себя за счет Другого и обретая тем самым себя в Другом и при этом не терять себя в каком-то всепоглощающем экстазе.

В любви как отчаянии, то, что мы познаем (и одновременно любим свою половину), мы начинаем любить, что ее окружает; мы стремимся познавать все, что ее касается и возле нее. Здесь уместно будет вспомнить мысль известного русского мыслителя В. Франкла «любовь выступает уникальным и единственным способом узнать ближнего: «никто не может познать осознать сущность другого человека до тех пор, пока не полюбит ее. В духовном акте любви (через те или иные ее моменты – в т.ч. и отчаяния) человек становится способным увидеть черты и особенности любимого человека, и даже более того, она видит потенциальное в нем то, что не обнаружено, но должно быть найденным» [3, С.37].

Исходя из того, что отчаяние проявляется и как боль, и как момент истины, то существует два ее режима. Первый – это «кроткое отчаяние, активная резиньяция («В своем отчаянии я люблю вас так, как должно любить») и отчаяние жестокое: однажды, пишет Р. Барт, вследствие какого-нибудь случая, я закрываюсь у себя в комнате и разражаюсь рыданиями; меня уносит могучая волна, я задыхаюсь от боли; все мое тело напрягается и корежится от боли, при режуще-холодной вспышке молнии я вижу гибель, на которую осужден. Ничего похожего на скрытую и вполне цивилизованную хандру от любовных тягот, ничего похожего на оцепенение покинутого субъекта; это не хандра, пусть даже жестокая. Это ясно, как катастрофа: «Мне конец» [2].

Каждый из этих режимов проанализируем более содержательно.

Как известно, резиньяция (от лат. *resignatio* – уничтожение) полная покорность судьбе, отказ от жизненной активности, безропотное смирение, подчинение. Отчаяние как активная резиньяция состоит в том, что тот или иной участник определенного любовного дискурса исходя из чувства отчаяния, понимает, что любовь неминуема, а также, что он уподобляется в какой-то степени монаху: «Оставаться сидящим, ничего не делая, – таков основополагающий жест дзэнской мудрости. Точно так же, но на вершине любовного безумия, бывают моменты, когда любовное несчастье настолько мощно, что субъект оказывается сведен к своего рода простой неподвижности: всякий труд для меня невозможен; я только и могу так и оставаться, бездеятельным, томящимся в своей постели или обмякшим в кресле: «без причин, без цели или духа выигрыша» – даже злокозненного (мушотоку) [2].

Итак, в контексте первого режима отчаяния, мы можем говорить о своего рода «любовном отшельничестве», «монашестве», «одиначестве ради/перед Другим» (это то о чем еще в античности написал Аристотель): «не влюбляются во многих, ведь влюбленность тяготеет к своего рода чрезмерной дружбе, причем по отношению к одному человеку» [См.: Eth.Nic.1158a10]). Следовательно, в дискурсе любви происходит осознание, то что только ради одной любимой личности, субъект любви готов пожертвовать всем, что у него есть, даже собственной жизнью. Только ради нее он готов отказаться от мира, от людей, от общества – лишь бы она была счастлива и защищена. Однако, стоит особо подчеркнуть – это не слепая страсть и не сумасшедшая влюбленность – это жертва, дар любящего предмета своей любви. Это дар, который является трудом любящего. Такая самоотдача, жертвенность любимой личности прекрасно отражена в потрясающем определении Мартина Бубера «Любовь – это ответственность Я за Ты».

Что же касается второго режима отчаяния, который сам по себе выглядит жестоким, то заключается он в том, что иногда в дискурсе любви возникают такие моменты, которые вообще говорят о демоничности его. Одним из таких «демонических» моментов, по мнению Г. Иванченко, является то, что любящие (с разной глубиной и бытийностью чувства) иногда словно соревнуются друг с другом жестокостью по отношению друг к другу [7, С. 122–123]. В этом режиме любовного отчаяния они соревнуются тем, что обижают, обманывают, пытаются иногда даже сознательно побольнее что-то сделать для любимой личности. Это поистине безобразное для любви как таковой, так и по отношению к тому лицу, к которой направлена наша интенция любви. В основе этих соревнований лежит исключительно «эгоизм», а он, по словам К. Розенкранца, является наиболее отвратительным уродливым, даже с ним не может сравниться взгляд на изуродованные деревья, забытые болотистые поляны, змей и саламандр, морских чудовищ и огромных рептилий, крыс и обезьян; все это ничто с эгоизмом, который очень много приносит боли и страданий [8, С.37].

Таким образом, можем заключить, что с точки зрения философии, разного рода аспекты любовного несчастья рассматриваются не столько как слабости предмета/субъекта любви, сколько как маркер истинности и подлинности чувств, отношений между любящими. Согласно философскому дискурсу любовное отчаяние амбивалентно – оно может нести в себе как конструктив в дискурс любящих, так и девиантность. Проявление и последствия того или иного вектора любовного отчаяния зависит напрямую от определенной ситуации в рамках участников «логоса любви». Слезы, согласно философскому дискурсу, есть не только признаком уязвимости, ранимости предмета и/или субъекта любовного дискурса, но есть их силой, глубиной и основой для продолжения их истории чувств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт. – М.: Ad Marginem, 1999. – 432 С.
2. *Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного (неопубликованные страницы) / Р. Барт / Электронный источник / Режим доступа: magazines.russ.ru/nlo/2011/112/ba2-pr.html
3. *Братусь Б.С.* Любовь как психологическая репрезентация человеческой сущности / Б.С. Братусь // Вопросы философии – 2009 – №10 – С.32–50.
4. *Гильдебранд Д. фон.* Метафизика любви / Д. фон Гильдебранд / Пер. с немец. А. И. Смирнова. – СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ» ТО «СТУПЕНИ», 1999. – С.623.
5. *Грюн А.* Жити в домі любови / А. Грюн., [пер. з нім. О. Конкевича]. – Л.: Свічадо, 2005. – С. 106.
6. *Джонсон Р.* Мы: источник и предназначение романтической любви / Р. Джонсон. – М.: Гильдэстель, 1998. – 120 С.
7. *Иванченко Г.В.* Космос любви: по ту сторону покоя и воли / Г.И. Иванченко – М.: Смысл, 2009. – 160 С.
8. *Розенкранц К.* Эстетика безобразного / К. Розенкранц // Шкепу М. А. Эстетика безобразного Карла Розенкранца / Инт проблем соврем. искусства Нац. акад. искусств Украины. — К.: Феникс, 2010. – С.23–260.
9. *Саломе Лу.* Мысли о проблемах любви // Саломе Лу Андреас. Эротика / пер. с нем. Л. Гармаш и Э. Венгеровой. – М.: Культурная революция, 2012. – С. 36–50.
10. *Сорокин П.* Таинственная энергия любви // П. Сорокин // Социологические исследования – 1991 – №8 – С.121–137.
11. *Фишер Х.* Почему мы любим. Природа и химия романтической любви / Х. Фишер. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 320 С.

TRANSLIT

1. *Bart R.* Fragmenty речи vlyublennogo / R. Bart. – М.: Ad Marginem, 1999. – 432 s.
2. *Bart R.* Fragmenty речи vlyublennogo (neopublikovannye stranitsy) / R. Bart / 'Elektronnyy istochnik / Rezhim dostupa: magazines.russ.ru/nlo/2011/112/ba2-pr.html
3. *Bratus' B.S.* Ljubov' kak psihologicheskaja reprezentatsija chelovecheskoj suschnosti / B.S. Bratus' // Voprosy filosofii – 2009 – №10 – S.32-50.
4. *Gil'debrand D. fon.* Metafizika ljubvi / D. fon Gil'debrand / Per. s nemets. A.I. Smirnova. – SPb.: Izdatel'stvo «ALETEJJA» TO «STUPENI», 1999. – S.623.
5. *Grjun A.* Zhiti v domi ljubovi / A. Grjun., [per. z nim. O. Konkevicha]. – L.: Svichado, 2005. – S. 106.
6. *Dzhonson R.* My: istochnik i prednaznachenie romanticheskoi ljubvi / R.Dzhonson. – М.: Gil'-estel', 1998. – 120 s.
7. *Ivanchenko G.V.* Kosmos ljubvi: po tu storonu pokoja i voli / G.I. Ivanchenko – М.: Smysl, 2009. – 160 s.
8. *Rozenkrants K.* Estetika bezobraznogo / K. Rozenkrants // Shkemu M. A. Estetika bezobraznogo Karla Rozenkrantsa / In-t problem sovrem. iskusstva Nats. akad. Iskusstv Ukrainyi. — K.: Feniks, 2010. – pp.23–260.
9. *Salome Lu.* Mysli o problemah ljubvi // Salome Lu Andreas. 'Erotika / per. s nem. L. Garmash i 'E. Vengerovoj. – М.: Kul'turnaja revolyutsija, 2012. – pp. 36–50.
10. *Sorokin P.* Taistvennaja 'energija ljubvi // P. Sorokin // Sotsiologicheskie issledovanija – 1991 - №8 – pp.121–137.
11. *Fisher H.* Pochemu my ljubim? Priroda i himija romanticheskoi ljubvi / H. Fisher. – М.: Al'pina non-fishkn, 2013. – 320 p.